

Легкий ветерок пронесся над ее веками, и пушистая постель задрожала. Задыхаясь от ветра, Элизабет бессознательно открыла глаза. Рядом с ней сидел мальчик, красивый, как кукла, и смотрел на нее. Его глаза фиалкового цвета были полны грусти.

Элизабет определила это как грусть, но на самом деле это была более сложная эмоция.

Леонгардт пытался сложить в голове пазлы: заплаканное лицо, чуть более густой запах крови и взгляд на то, что эта женщина только что прятала за спиной, когда он смотрел мимо герцогини.

'Да... это было так...'

Какая ирония.

В тот день, когда он впервые встретил ее, он выплюнул ругательство в адрес девушки, которая хромала, с трудом передвигаясь самостоятельно.

Он высмеял ее едва расчесанные волосы, похожие на паутину, ее притворство быть элегантной и величественной, в то время как она хромот, и начал говорить неприятные слова.

На самом деле, все было не так.

Было ясно, что волосы у нее растрепались, и что она не могла нормально ходить из-за этих ударов по обеим ногам под юбкой, что было незаметно для окружающих.

Леонхарду пришлось прикусить язык, когда герцог сам снял с дочери туфли.

Для восьмилетнего ребенка туфли с такими каблуками не казались удобными для ходьбы, даже если у него тонкие ноги.

Это было исключительно его непонимание и ворчливость.

С ней все было в порядке. Это он неправильно ее понял, и это он виноват в том, что выместил на ней свой гнев и даже причинил ей боль.

Леонгардт сжал кулаки так сильно, что белая шелковая простыня покрылась морщинами. Сожаление, горе и гнев смешались одновременно, в голове у него был полный бардак.

Тем временем Элизабет подумала, что на этот раз ей очень хочется потерять сознание.

Она показала худшее первое впечатление от лица, испорченного слезами, тому, кто в будущем

станет ее спутником.

Обычно она слышала от своей матери, каким замечательным был Его Высочество, но он был гораздо великолепнее, чем та история о принце, которую она слышала.

Выросшая в полностью белом княжестве, она впервые увидела такой яркий пурпур, как глаза Леонгарда.

Но почему он выглядел таким печальным? Неужели он был таким, потому что она не соответствовала его ожиданиям? Она должна была вести себя более изящно, как говорила ее мать, и он, должно быть, был разочарован?

"Ты... ты в порядке?"

Элизабет моргнула своими большими глазами. Это была практика, которой она научилась, когда заучивала книгу, и она не помнила никакого придворного языка.

"Не грусти..."

Элизабет, впервые получив от кого-то беспокойство, ошиблась, что Леонхардт горюет.

'Я уверена, что я вам не нравлюсь...!'

"Я грущу?! И? Нет, миледи, я сейчас беспокоюсь о вас".

"Ты... беспокоишься...?"

Что это?

Элизабет снова моргнула. Каждый раз длинные серебристые ресницы, мокрые от слез, затуманивали ей лицо.

Глаза Леонхардта были уже не так заметны. Это был красивый фиолетовый цвет, который она видела впервые с момента своего рождения.

Она хотела увидеть его немного больше.....

"Беспокойство - это... правильно. Это сердце, которое хочет, чтобы тело и разум Миледи были спокойны".

"...! Я не болен!"

Он не смог найти ни капли искренности в ответе, который вышел рефлекторно, как у механической куклы.

Леонгардт вздохнул с тяжелым сердцем.

Он хотел произвести на даму самое лучшее первое впечатление. Почему-то она была совершенно расстроена.

"Вы можете идти?"

"Конечно!"

соврала она.

В это время вы прихрамывали, как будто собирались в любой момент упасть.

Леонхард легким жестом остановил Элизабет, которая пыталась встать, и указал на герцога, который с запозданием снял с нее туфли.

"Я думаю, что эти туфли слишком высоки для ее светлости. Нет ли туфель чуть более удобных?"

"Да, да?"

Герцог и герцогиня одновременно выглядели растерянными.

Ее обувной шкаф был наполнен всевозможной разноцветной обувью, от туфель с хрустальными украшениями на шелковых лентах, сделанных мастерами, до туфель из гнутого стекла, но удобных туфель, о которых говорил принц, нигде не было...

"К сожалению, Изольда была настолько упряма, что хотела как можно скорее стать взрослой..."

"Неужели..."

Видя, что герцог непринужденно говорит ему откровенную ложь, Леонхард мысленно поставил "удобные туфли" на первое место в списке подарков для нее.

"Какой цвет нравится миледи?"

прямо спросил Леонгардт у Элизабет.

"Да?" ответила Элизабет с ошарашенным видом.

"Фиолетовый. Фиолетовый, как глаза его высочества наследного принца... Нет, нет. Я люблю белый, белый больше всего! Правда!"

"Правда?"

Леонгардт внимательно следил за тем, куда закатывались глаза Элизабет.

Она явно смотрела на герцога за его спиной.

Леонгардт изменил позу и полностью загородил герцога от взгляда Элизабет.

И он снова спросил.

"Вам действительно больше всего нравится белый цвет?".

Элизабет немного волновалась, когда не могла видеть родителей. Может быть, это хорошо? Должна ли она ответить, что именно белый?

<http://tl.rulate.ru/book/61436/2032557>